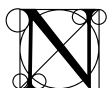

джейн лителл

ДЖЕЙН ЛИТЕЛЛ

ОТНЯТЬ
ВСЁ

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Л64

Серия «Психологический триллер»

Jane Lythell

THE LIE OF YOU

Перевод с английского *Е. Корягиной*

Компьютерный дизайн *А. Кудрявцева*,
студия «FOLD&SPINE»

Печатается с разрешения издательства

Head of Zeus Limited и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Лителл, Джейн.

Л64

Отнять всё : [роман] / Джейн Лителл ; [пер. с англ. Е. Корягиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Психологический триллер).

ISBN 978-5-17-088135-2

Можно скрыть ложь. Можно скрыть тайну. Но можно ли скрыть свой самый глубокий страх?

Всем вокруг Кэти кажется воплощением успешной современной женщины, у которой есть всё, о чем только можно мечтать, — чудесный ребенок, замечательный муж и любимая работа.

И только Хейе, подчиненной Кэти, известно и о трещине, которую дал брак начальницы, и о ее постоянных сомнениях в себе. Хейя знает достаточно, чтобы разрушить жизнь Кэти. И если ее план сработает, она получит то, о чем мечтает больше всего на свете...

Так страх одной женщины становится идеальным оружием, которым намерена воспользоваться другая.

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

© Jane Lythell, 2014

Школа перевода В. Баканова, 2015

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-088135-2

*Моей героической маме —
Маргарет Лителл Кларк*

Хейя

Апрель

Кэти думает, что у нее есть все: работа, ребенок, друзья и — он. Зато у нее нет моей целеустремленности. Она как раскрытая книга, никаких тайн. Сама не знает о своих темных сторонах. О чужих тоже. И верит в человеческую порядочность.

Когда ее сделали редактором, я позвонила ей домой, попросила о встрече. Сказала, что хочу обсудить мое назначение. Она чуть было не согласилась, но в последнюю минуту передумала.

— Давай вместе пообедаем, когда я выйду на работу, в первую же неделю, ладно, Хейя? А пока мне нужно побыть дома.

На собеседовании я объяснила ей, как правильно произносится мое имя, и теперь она без конца его вставляет куда надо и куда не надо. Это действует мне на нервы.

Я проявила настойчивость, сказала, что хочу встретиться как можно быстрее. Меня приглашают на хорошие вакансии, и если она ценит мою работу в журнале...

Она колебалась: не любит отказывать; тут захныкал ребенок — и дело было решено.

— Извини, Хейя, придется отложить, пока не выйду на работу. Мне пора. До встречи — и спасибо за звонок.

В первый день Кэти пришла в оранжевой шелковой блузке, серой строгой юбке и дорогих чернобронзовых туфлях. Юбка обтягивала живот, да и грудь слегка выпирала. Фигура после родов еще не восстановилась. Волосы у нее черные, густые, волнистые, брови широкие и темные.

Все сотрудники отдела — Лора, Карен, Тим и Стеффани — тут же столпились вокруг Кэти. Стали говорить, как ей рады, как она прекрасно выглядит. Она отнюдь не красива, даже не хорошенькая. Кожа у нее неплохая, с румянцем. Глаза карие, миндалевидные. Но мимика слишком выразительная, ни секунды покоя. На нее устаешь смотреть.

Все утро Кэти просидела у Парра, издателя журнала, за стеклянной перегородкой. Потом собрала нас на совещание. Нас всего шестеро, включая ее помощницу Аишу.

Говорила о том, как собирается развивать журнал. Подавшись в кресле вперед, стала спрашивать наше мнение. Она, видите ли, полагается на взаимодействие и управление методом поощрения. Все высказывались, я молчала. Она и не подумала отозвать меня в сторону и договориться о встрече.

На второй день Кэти подошла к моему столу — сама приветливость и обходительность.

— Хейя, по поводу нашего обеда. В пятницу сможешь?

Я сказала, что мне удобнее в среду. В среду не могла она, и я согласилась на пятницу. Других вариантов у меня не было. Уходить из журнала я не собираюсь. Только здесь я могу видеть ее каждый день.

Кэти

Апрель

Сегодня за обедом, сидя напротив Хейи, я с аппетитом поела утопающие в соусе спагетти с моллюсками. Удовольствие запретное, потому что чеснок из соуса вечером окажется в моем молоке.

Хейя заказала запеченного морского карася с фенхелем — такое блюдо можно есть, не боясь забрызгаться. А Хейя как раз была в синей льняной блузке и роскошном кремовом жакете. Волосы она заплетает прямой французской косой, и эта прическа придает ей горделиво-неприступный вид. У нее высокие красивые скулы. Волосы золотисто-пепельные; я бы на ее месте подстриглась под мальчика — ей такая стрижка очень пойдет.

Болтали о текущих делах.

Хейя наверняка чего-то хотела. Ведь не просто так она попросила о встрече, буквально настояла. Сама же, однако, казалась рассеянной, смотрела по сторонам, словно слушать меня ей было неинтересно, и это сбивало с толку. Потом принесли кофе, и я подумала: «Ну и хорошо, что не заводит серьезных разговоров. Может, она просто хотела возобновить контакты после долгого перерыва?»

Хейя заказала зеленый чай — очень заботится о своем здоровье, даже приняла с чаем две капсулы пищевой добавки.

И вдруг пустилась убеждать меня, что ее следует назначить моим заместителем. Говорила своим обычным официальным тоном. Английский у нее отличный, но чересчур правильный, сразу видно: язык не родной.

— Пока тебя не было, я писала статьи для всех разделов, — заявила она.

Теперь рассеянность одолела меня.

За соседним столом сварливо препирались двое. Мужчина, скрестив на груди руки, свирепо тарасился на пустую тарелку из-под пудинга, вымазанную малиновым сиропом. Женщина нервно комкала салфетку; лицо и шея у нее пошли красными пятнами. Официант, прежде чем подать им счет, помедлил. Наверное, ему подобные сцены не в диковинку, ведь несчастливых пар так много...

Хейя заканчивала свою речь.

— Я практически выполняла обязанности заместителя редактора, пока ты была в отпуске, и теперь мне хотелось бы большего.

— Хейя, ты проделала большую работу, и я тебе очень благодарна. Но коллектив у нас маленький, и журналу просто не нужен заместитель редактора. Да и Филип не согласится.

Зачем, спрашивается, я приплела Филипа, нашего шефа? Не могла разве твердо сказать «нет»? Хейя в журнале совсем недолго, а продвигать так быстро не принято.

Враждующая пара принялась оплачивать счет. Мужчина небрежно швырнул на стол банковскую карточку, а женщина, поджав губы, демонстративно перебирала бумажки и монеты, отсчитывая ровно половину платы за обед.

Хейя подалась вперед, вся трепеща от бурлившей в ней энергии.

— Ребенок требует времени, и я подумала, что помощь тебе не повредит.

— Это не проблема, — бросила я. — Команда у нас дружная, и каждый знает свое дело.

Почему-то мое сердце сильно колотилось.

К вечеру мне стало тревожно. Хейя словно напро- рочила. Для чего мне играть в редактора, сидеть в этом прозрачном кабинете с кучей бумаг на столе? Зачем я вообще согласилась на повышение?

Очень хотелось пойти домой и взять на руки Бил- ли. Казалось, нас по-прежнему связывает невидимая пуповина; тянет меня домой, к его сладко пахнувшей головке, к чмокающему роту... Я еще кормила гру- дью. Достав из сумки фотографию, я долго смотре- ла на его мордашку, затем, отложив снимок, верну- лась к делам.

Ко мне заглянула Карен, наш менеджер, села за переговорный стол и как-то странно на меня посмо- трела. Потом вошла Аиша, моя помощница, и спро- сила:

— Чем это ты облилась?

Я опустила глаза: на блузке расплылись два тем- ных круга — молоко просочилось.

Хейя

Апрель

У меня темно-зеленый кабриолет со светлыми кожаными сиденьями, и мне он очень нравится. Побаловала себя.

Кэти ушла с работы раньше меня.

По дороге к машине я вспоминаю, как прошел обед. С какой неприличной жадностью она набросилась на спагетти. Слишком любит поесть. Если не начнет за собой следить, с возрастом ее разнесет. И сосредоточиться ей трудно. Раньше она была собранней.

Дверь у автомобиля тяжелая, но благодаря отличной сборке открывается легко и плавно. Я проскальзываю внутрь, закрываюсь, включаю плеер. Я прослушиваю всех исполнителей четырех рахманиновских концертов для фортепиано, ищу самые качественные записи каждого. Лучший вариант третьего концерта — в исполнении Марты Аргерих в Берлине в 1982 году. Она передает все темные глубины и все неистовство рахманиновской музыки.

Еду домой по мосту Ватерлоо. Люблю смотреть на светящиеся дома, на их отражение в воде. Обожаю суровые мощные контуры Национального театра. В вопросах архитектуры британцы народ отста-

лый, и это произведение Ласдана* они раскритиковали. Они неправы: его творение переживет критиков.

Архитектура — самая важная вещь на свете. В домах мы проводим всю жизнь: в них мы рождаемся, растем, любим, в них работаем и размышляем — и умираем обычно в них. Мы умираем, а дома остаются. Они могут болеть, как и мы, но только если архитектор был ленив, или глуп, или скуп. Великим зданиям дана долгая и славная жизнь.

Сегодня придет Роберт, мой любовник. Секс необходим, он способствует здоровому сну. Никогда не разрешаю Роберту оставаться на ночь. Для него это один из моих капризов, которым он согласен потакать. Роберт очень сексуальный. Мне кажется, его заводит сама мысль, что он приходит ко мне именно для секса, а потом должен уйти. Перед уходом он никогда не моется, просто одевается и уходит. Говорит, что ему нравится ощущать на себе мой запах, когда он приходит домой.

Роберт — американец и недавно выучился на психоаналитика. Не могу представить себя в качестве его пациентки. Он слишком искренний. Любит нравиться людям и не сможет, по-моему, достичь той степени равнодушия, которая нужна выдающемуся специалисту. В профессию он пришел поздно. По его словам, возраст для психоаналитика — преимущество. Чем старше, тем лучше. Можно работать хоть в восемьдесят лет. Он и не представляет, как больно мне бы-

---

* Денис Ласдан (1914–2001) — британский архитектор, представитель брутализма (от франц. *béton brut* — «необработанный бетон»); для конструкций этого стиля характерны мощные объемы и крупномасштабные композиционные решения. — *Здесь и далее примеч. пер.*

ло это слышать. Кожа у него с оспинами, губы полные. В первую очередь замечаешь его глаза — карие, с густыми, как у ребенка, ресницами. Роберт всегда старается меня разговорить, хотя и не напрямую. Он редко задает прямые вопросы. Нет, он скажет, например: «Когда я упомянул о смерти своего отца, ты загрустила». И ждет, пока я нарушу повисшее в воздухе напряженное молчание. Ждет от меня откровений, а я молчу. В самом начале наших отношений, раздосадованный моей скрытностью, он спросил, не подвергалась ли я психоанализу.

— Нет, а что?

— Ты всегда слушаешь с таким видом, словно пытаешься интерпретировать мои слова.

— Все так делают. Отфильтровывают информацию, разве нет?

— Так делают люди, которые долго подвергались психоанализу и привыкли все интерпретировать, словно наши переживания — это код, и его нужно расшифровать.

— Никогда не ходила к психоаналитику.

Я сказала неправду. Когда моя депрессия стала невыносимой, я вышла на очень известного психоаналитика Арво Талвела. К нему записывались на два года вперед, и с улицы попасть на прием было нереально. Я ему написала в конфиденциальном порядке, объяснила свое положение, и он сразу согласился меня принять — позвал к себе в клинику в центре Хельсинки. Похоже, слава имеет некоторые преимущества. Когда я пришла, он открыл дверь и жестом пригласил меня войти. Лицо у него было умное и безжалостное. Серые глаза внимательно меня изучали.

— Пожалуйста, садитесь, Хейя.

Я оглядела комнату: большие красивые окна, книги от пола до потолка, дорогой ковер и кушетка, у изголовья — стул.

— Значит, вы не уложите меня на кушетку? — воинственно спросила я.

— У меня люди ложатся на кушетку, когда сами захотят.

— Я — никогда не захочу!

Стоя посреди комнаты, я смотрела на прекрасную вазу голубого стекла. Доктор проследил за моим взглядом и понял, до чего мне хочется взять ее и стукнуть об пол, чтобы она разлетелась вдребезги. Мною владела ярость.

Мы сражались несколько месяцев, а потом я его полюбила. Это было не то, что психоаналитики называют переносом; это была любовь.

В Великую пятницу Роберт купил нам билеты на «Страсти по Матфею» в церковь Святого Георгия на Ганновер-сквер. Он заехал за мной и отвез в церковь. У дверей собралась очередь. Английский средний класс: сплошные чиновники, библиотекари и присяжные поверенные. Мы были чуть ли не самыми молодыми.

Двери распахнулись, и Роберт повел меня к отгороженным местам на галерее. Кресла показались мне не слишком удобными, а ведь оратория длится около трех часов. Музыканты настраивали инструменты; затем шум стих, и появился почтенный седовласый каноник, следом за ним шел дирижер.

Каноник поднялся на кафедру и попросил всех выключить телефоны и не аплодировать, потому что это не только представление, но и церковная служба. Сев, он почти скрылся за высокими резными стенка-